

ВТОРОЙ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС

Ермолаев Андрей

философ, руководитель SG SOFIA

1. Капитализм по-советски: краткая история распада

Среди философов и экономистов и по сегодняшний день длится спор о том, что же собой представляла советская «политическая империя» с точки зрения природы и характера ее социально-экономической системы. И если с определением «государственно-монополистический капитализм» (ГМК) западных держав первой половины XX века был определенный консенсус, то с природой и характеристикой советской социально-эконо-

мической системы – сплошные вопросы.

Долгое время в качестве базовой характеристики использовался тезис о «нетоварном производстве» в БССР. Такие определения как «административно-командная экономика» и «бюрократический социализм» казались исчерпывающими. Анализ и описание современного капитализма в таком случае представлялся как научный взгляд на «магистральное развитие» всей мир-системы. А БССР и сформировавшийся во второй половине XX века «социалистический лагерь»

Трансформации, которые переживают пост-советские общества, тесно связаны с эволюцией отношений собственности и социально-политической стратификации. Переход от «номенклатурного» к «суррогатному капитализму» стал причиной разрушения бывшей советской «политической империи». Почти тридцатилетний период существования специфического «суррогатного капитализма» и корпоративных государств в пост-советском пространстве исчерпал свой исторический потенциал. Рост социального напряжения, конфликтность, центробежные процессы, конфликты и войны свидетельствуют об очередной волне трансформаций. Которые станут либо основой новых социальных проектов и экспериментом, либо – подтолкнут к потрясениям и национальным катастрофам.

- как побочная, случайная ветвь развития, «ошибка человеческой природы». И.Валлерстайн – один из кумиров интеллектуалов левого толка конца XX-начала XXI вв, - с определенной долей иронии называл большевистский эксперимент и весь социалистический лагерь «коммунистической прелюдией» (- к исторической «симфонии», которая еще не написана – авт.).

Пожалуй, только в последнее десятилетие существования советской политической империи, в условиях ее системного кризиса (- 1980-е), стала очевидной историческая и онтологическая связь ее индустриальной экономики, всего общественного производства советской мира-экономики (цивилизации) с общими закономерностями капиталистической мир-системы.

Так называемый «нетоварный экономика» в СССР и административно-командная система управления, несмотря на кажущуюся «нерыночность», в действительности была специфической формой организации и обеспечения промышленной революции и индустриализации в стране с выраженной многоукладностью и доминированием до-капиталистических отношений (натуральное хозяйство, позднефеодальные уклады). Установление административного регламента в управлении экономическими отношениями обеспечивало гипертрофированно увеличенную долю перераспределенной общественной прибыли в основные средства производства (индустриальный уклад). Фиксированный денежный доход рабочей силы, натуральные формы расчета (сельское хозяйство) и репрессивные неэкономические методы эксплуатации (от ГУЛАГов до субботников и «комсомольских починов») обеспечивали максимальную ЭКОНОМИЧЕСКУЮ эффективность системы в условиях административной организации рынка и рас-

поряжения рабочей силой, по существу – «внутриколониальную» в худшем, насильственном ее варианте. Беспрецедентный случай в истории для «политической империи» - само-колонизация, охватывающая и метрополию, и окраины. **«(...) Судьи и криминалисты вели заранее проигранный войну против лагерей, ставших инструментом наказания посредством труда (фактически насильственным трудом) и, следовательно, утративших свою первоначальную цель перевоспитания через труд. Новая тенденция представляла собой «побочный эффект» сверх-индустриализации. Заключение можно было легко мобилизовать, их труд был дешев, дисциплина – суровой, убывающее количество рабочей силы – легко восполняемо»** (М.Левин, «Советский век»).

Другими словами, в «нетоварном рынке» на самом деле товарное производство, рынок и рабочая сила также были неотъемлемой частью экономической модели. Но совокупная прибыль административно «изымалась» и волонтарно направлялась государством в приоритетные сферы инвестирования.

«Внутренний колониализм» СССР в кратчайшие сроки (1920-1940-е) обеспечил создание государственно-монополистического капитализма, в котором дефицит потребления и рабски ограниченная оплата труда на рынке обеспечивались репрессивными механизмами и социо-культурной компенсацией (всеобщее образование, мобилизация общественной активности через массовые общественные организации), а также созданной системой организованного массового потребления культурно-идеологического продукта (кинопроизводство, «социалистический реализм» и масс-культ, «народнотворчество»).

Таким образом, СССР прошел ту же

монополистическую фазу капитализма, но в своей уникальной форме административного рынка и репрессивной по характеру системы управления.

В конечном итоге, и в традиционных рыночных государствах Британии, США, Франции, и в странах «социалистического эксперимента», и в странах «*stato totalitario*» индустриализация и монополизм капитала были осуществлены. Высококонцентрированные, монопольные и милитаризированные экономики, где интересы крупного капитала (или его «административного распорядителя») слились с государственной властью – характерная черта всех без исключения индустриальных государств середины 20 века.

«...В странах развитого капитализма создание стальной, нефтяной, химической, электротехнической промышленности стало возможным на рубеже XIX и XX веков лишь благодаря образованию отраслевых монополий – картелей, синдикатов, трестов. Нетоварный социализм выдвинул им свою альтернативу – государственные отраслевые монополии, существовавшие у нас сначала, в 20-х годах, в виде трестов и синдикатов, а затем, начиная с 30-х годов, - в виде отраслевых наркоматов, позже министерств. (...) Оказывается, что и капиталистические монополии, и социалистический монополизм – в его преимущественно нетоварном виде – оказались исторически реальными формами, в которых стало возможным создание современной тяжелой индустрии». И, главное – « (...) одновременно может существовать не одна, а две (или больше) общественных форм организации экономики, соответствующих данному уровню техники, технологии, производительных сил» (С.Меньшиков, «Катастрофа или катарсис?») Ключевой вызов, рожденный

индустрией и массовым производством, – расширенное потребление – стал причиной первого глубокого системного мирового кризиса – Великой Депрессии. «Фордистско-кейнсианская модель» позволила в западной системе организации рынка выйти из кризиса, запустив развитие т.н. «общества потребления», с его стимулирующими, кредитными и рекламно-потребительскими технологиями, но как особый гибрид кейнсианской модели с рузвельтовскими социальными программами.

В период ГМК и войны «политических империализмов», бСССР демонстрировал чудеса индустриализации и социальной мобилизации. Как, впрочем, и другие административно-политические формы управления рынком и обеспечения концентрации капитала и власти (*европейский тоталитаризм, милитаризм Японии и послевоенного Китая, мобилизационная модель США в 1940-50гг и политика «маккартизма»*).

Но закрытость бСССР для внешнего капитала и планово-административный характер управления сферой массового потребления сделали невозможным трансформацию высокоиндустриальной экономики бСССР и ее союзников в альтернативный центр мирового накопления капитала. Прорывы в области новых технологий и моделей социальной организации, привлекательные для мирового рынка, оставались недоступными для внедрения и тиражирования в формате рыночного обмена, но – уязвимы и доступны за счет промышленного и прочего шпионажа. Кстати, как и от обратного, - использовать мировой опыт новых технологий закрытая советская империя могла только путем шпионского воровства, копирования или теневой покупки. До сих пор не утихают споры, кто и что воровал, копировал в период бурного промышленного прогресса 1930-1960х.

Будучи вне потоков долгосрочного инвестирования мирового капитала в прорывные сферы производства и не открыв потребительский рынок, советский «социализм» и к началу 1970-х (очередной кризис капиталистической мир-системы) оставался в рамках сформировавшегося еще в 20-30 годы модели «внутреннего колониализма», с высоким уровнем эксплуатации населения. «Оттепель» и диетические хозрасчетные эксперименты **1960-х стимулировали рост влияния и накопления т.н. административного капитала для республиканской части номенклатурного класса**, но так и остались в истории временем нереализованных преобразований.

«Экономика дефицита» поразила систему, толкая на диспропорции и вырождение. Эта метаморфоза, в итоге, привела к последующему само-разрушению высокоиндустриальной товарной экономики, неспособной развиваться в условиях возникшего дефицитного потребительского рынка, теневой экономики (до 15% ВВП СССР в 1970е гг.) и теневого частного накопления нелегального богатства.

Тотальная госсобственность и формирование института номенклатуры (на основе партийной монополии ВКП(б)-КПСС, профессиональной силовой элиты и промышленного менеджмента, подчиненной бюрократии) стали основой для утверждения «нового класса» - «политической бюрократии» (М.Джилас), «номенклатуры» (М.Восленский) или «этакратии» (О.Крыжановская).

Его полит-экономической основой развития стала собственность на государство, в распоряжении которого, в свою очередь были людские ресурсы (наемный и принудительный труд), промышленные активы и управление природными ресурсами страны.

«Экономика дефицита» создала уникальные условия для развития «теневых рынков» («теневой экономики»), которая позволяла конвертировать статус и влияние в реальные материальные активы, богатства и накопления. Превращение номенклатуры в «теневых капиталистов» (в новом, расширенном составе) проявил себя в новом ролевом значении и поведении участников. **Собственно «политическая бюрократия» (номенклатура) стала «теневым инвестором» и политическим гарантом «теневой экономики», коррумпированный промышленный менеджмент и цеховики** - активными участниками растущего «теневых» потребительского рынка товаров и услуг, опережавшего по динамике и доходности его «светлую» часть, а организованная преступность – со-инвестором, со-организатором и «системой безопасности».

В экономическом измерении «застой» стал следствием «застойной петли», которую порождала сама «экономика дефицита». Для обеспечения роста и капитальных вложений в наиболее капиталоемкие отрасли (ВПК, машиностроение, ТЭК, инфраструктура), поддержки их конкурентоспособности требовались стабильные легальные доходы, которые не обеспечивал тенезированный внутренний рынок.

Новым источником с начала 70-х стали энергоресурсы, доход от продажи которых на внешних рынках шел на капитальные вложения (передовая часть индустрии – ВПК, машиностроение и инфраструктура, условно – «БАМы»), социальную компенсацию и на прямые хищения с целью дальнейшего теневого реинвестирования («приписки», завышение затрат и пр.).

Так называемое «вырождение социализма» на самом деле было специфическим процессом возвращивания индустриального монопольного капитализма в оболочку

ке («коже») административно-командной системы. Но при достижении предела концентрации капитала системы в тяжелой индустрии и оборонном комплексе, высоком уровне эксплуатации и критическом дефиците на потребительском рынке система, как говорится, «дала сбой». К концу 1970-началу 1980х изменения были неизбежны. В речах руководства компартии слово «перестройка» появилось еще на 26 съезде в 1981 году. Вопрос – какие изменения и «перестройка» чего?

«(...) Создается возможность бифуркации (раздвоения), то есть либо дальнейшее вырождение нетоварного, сверхцентрализованного социализма в коррумпированную систему бюрократической эксплуатации большинства населения, либо ее революционное преобразование в новую модель, соединяющую преимущества плановой экономики с наименее социально-негативными свойствами рыночного хозяйства. Эти выводы были сформулированы в ряде статей, а также в книге-диалоге с известным американским экономистом Джоном Кеннетом Гэлбрейтом «Капитализм, социализм, сосуществование», вышедшей в СССР и США в 1988 году. (...)» (С.Меньшиков, там же)

С.Меньшиков делает акцент на «эксплуатации населения». Категория «население» использована неслучайно. В советской империи за 7 десятилетий ее существования действительно сложилась специфическая политическая нация – в рамках дисциплинарно-репрессивной культуры, многонационального симбиоза и с выраженным расслоением на два класса – «паразитический класс» номенклатуры и «многонациональной наемно-подчиненной рабочей силы», с многочисленными социальными подгруппами и сословными анклавами. Кстати, в западной советологии к концу

1970-х идеологический штамп «советский народ» игнорировался, но - использовалось синонимическое «нация-государство» (напр., в Докладе Римского Клуба 1979г. «Путеводитель в будущее: к более эффективному обществу», Б.Гаврилишин).

**

«Трансформационный кризис» - так, кажется, принято определять период кризиса и распада СССР, и формирование т.н. «пост-советского пространства». «Капиталистическим реваншем» называли этот переход левые интеллектуалы. Наследие «коммунистического эксперимента XX века» стали трофеем, который и не снился былым колониальным империям, пиратам и конкистадорам.

2. «Суррогатный капитализм» пост-советских корпоративных государств: иллюзия взлета и быстрое падение

Распад советской империи в 1990-е годы вот уже три десятилетия подается как успех целенаправленной экономической и политико-идеологической борьбы Запада. Противостояние систем и конкуренция «на поражение» на протяжении всего существования БССР, несомненно были. Как, впрочем и взаимоприемлемое разделение мира на сферы влияния («два лагеря»), взаимодействие в периода глобальных кризисов (вторая мировая и выход из энергокризиса в 1970-х – два разнородных примера такого взаимодействия).

Но в условиях развернувшегося системного кризиса советской экономики и общества правящая номенклатура, достаточно «капитализированная» и сросшаяся с капиталистической «тенью», с огромным административным и финансовым капиталом, пошла на

передел всего советского наследия.

Как отмечает С.Меньшиков, трансформация пост-советского общества могла состояться и без катастрофических потрясений, сбалансированно, с сохранением преимуществ многоукладной собственности, разумной централизации общественных доходов и справедливой оплаты рабочей силы. И такие пост-имперские модели, в сочетании с политикой гражданской консолидации и солидарности, способны были обеспечить формирование национального самосознания населения республик БССР, сформировали бы устойчивую национальную политическую общность.

Пост-советские республики шли по другому пути. Прикрываясь реформаторской риторикой и мифологией «потребительского общества», **«паразитический» класс правящей национальной корпоратократии (номенклатура, вышедшая из «тени» олигархия, криминал) создал уникальные коррупционные системы сверх-эксплуатации населения.**

Формальная легализация частной собственности и новые инструменты управления государством, которое по-прежнему остается в монопольном управлении правящего класса – корпоратократии привели к появлению специфической суррогатной частной собственности. Ее особенность – сочетание легальных частных активов (полученных как результат приватизации или преференциального выкупа у государства) с государственными активами, а также использование административного ресурса государства и политической власти для максимизации прибыли.

Суррогатная частная собственность фетишизирует и ограничивает развитие таких существенных составляющих отношений собственности как как

право, легальность, нормативы прибыли, рыночная стоимость рабочей силы.

Госзаказы и выгодные тарифы для частных компаний, неформальное управление государственными предприятиями и их «включение» в частные корпорации, льготное пользование государственными финансами для реализации корпоративных программ, привилегии при использовании недр (лицензии, максимизация прибыли при перепродаже на рынке по рыночной цене), возможности размещения свободных средств на сверхвыгодном рынке ОВГЗ, рефинансирование частных банков – далеко не полный перечень тех методов и способов получения сверхприбыли. И все это – составляющая суррогатной собственности, в которой перераспределенная часть собственно национального дохода составляет существенную часть.

Функционирование такой системы отношений исключает свободную конкуренцию как таковую, закрепляет экономическую и политико-административную монополию только за ограниченным кругом субъектов (групп, кланов), предполагает непрозрачность, двойные стандарты и мощную идеологическую защиту (пропаганда) как «дымовую завесу» за счет инвестирования в медиаресурсы и публичное политическое лобби.

«Криминальный, коррумпированный рынок – это не рынок, это «жареный лед». В результате реформ страна проделала путь от административно-командной системы к криминально-бюрократической, а отнюдь не рыночной» (Н.Петраков).

Суррогатный капитализм - это определение более адекватно той системе отношений, которая пришла на смену номенклатурному капитализму недавнего прошлого. **Суррогатная частная собственность** (пе-

реплетение частной и государственной) – наиболее эффективный и адекватный интересам корпоратократии способ эксплуатации. Прошлая система экономических кластеров-«феодов» была легализована и оформлена как целостная олигополистическая система отношений, в которых каждая из групп получила свое – отрасль, схему, экономический комплекс.

Первый этап формирования суррогатного капитализма останется в истории как этап развития т.н. «финансово-промышленных групп» в наиболее прибыльных и конкурентных экономических сферах – ТЭК, ГМК, АПК, ВПК, инфраструктура, торговля. А «капитаны бизнеса», легальные лидеры ФПГ, получили публичное определение «олигархов».

Но реальная картина видоизменившегося правящего класса в условиях «суррогатного капитализма» несколько иная. Публичный список т.н. «олигархов» - лишь вершина этого айсбергов. Десятки легализовавших себя на рынке собственников и совладельцев крупных частных корпораций, не менее влиятельных в системе власти, чем публичный список из журнала «Форбс». Среди них – бывший директорат, успешные менеджеры, представители криминального мира. Реальная олигархия, со-управители и менеджеры суррогатного капитала.

Но не менее важна и вторая составляющая национальных корпоратократий – **«новая политическая бюрократия»**, партнеры и теневые совладельцы схем и корпораций, сочетающие публичную политическую деятельность со стабильным положением в государственной корпоративной машине.

ВСЕ институты политической власти, руководители военной организации и силового блока, судебная власть и прокуратора – в их орбите управления.

Плутократия, властвующее богатство. Президенты-миллиардеры, премьеры и высокопоставленные чиновники из исполнительной власти, судьи-«колядники», генералы-бизнесмены. С полупрозрачными капиталами и долями в большом бизнесе. Защищенные властным креслом, мандатом, государственной безопасностью. Представляющие свои «феоды» на уровне отдельных институтов государства.

Для плутократии государство стало таким же АО или ЛТД, как для их партнеров-олигархии – ФПГ.

Новоявленная корпоратократия, основывающая свою власть на суррогатной собственности и сохранении монополии на государственную власть, превратила сам государство в корпоративное. А вернее, в государство-корпорацию. С разделом сфер и государственных институтов в интересах разных элитных групп в рамках правящего класса корпоратократии. С монополизацией ключевых и наиболее прибыльных экономических сфер (собственно «источники развития»: в Украине – ТЭК, АПК, ВПК, внутренняя торговля и национальная инфраструктура).

Следствиями «корпоратизации» государства стали:

- коррумпированная приватизация (непрозрачность, преференции, занижение стоимости);
- теневое управление государственными предприятиями, фактически — эксплуатация госсобственности с целью дополнительной прибыли и усиления позиций собственно корпоративного капитала;
- сдерживание конкуренции в рамках национальной экономики — зарегулированность процедур регистрации и ведения бизнеса, жесткий административный и на-

логовый контроль за независимым предпринимательством, кабальная кредитная политика (процентная ставка НБУ фактически исключает кредитование неспекулятивного бизнеса)

- «новая фиктивная экономика» в виде тендерной коррупции, дутых государственных программ поддержки и дотаций, налоговых льгот и пр.

- удержание монополий на внутреннем рынке критических товаров и услуг (электроэнергия, бытовой газ и уголь, тарифы на ЖКХ, тарифы на транспорте).

- «политическая олигополия» - распределение между разными группами контроля и влияния за целыми структурами и институтами власти (судебная власть, прокуратура, силовые структуры, таможенная служба, налоговая служба и т.д.). Кадры, «политическая крыша», использование в конкурентной борьбе за сферы влияния.

Собственно, эти тенденции проявились еще в позднем СССР, накануне распада. Но раскрылись эти характеристики в период национального государства-корпорации и утверждения национальной корпоратократии. Как говорится, в «полный рост».

«Суррогатный капитализм» - национальная корпоратократия – государство-корпорация, - триада пост-советской эпохи.

«Суррогатная собственность» как продукт трансформации бывшей государственной и «теневой» экономик в единое целое и корпоратизация пост-советского национального государства при сохранении политической монополии корпоратократии, тем не менее, сопровождалась и положительными структурными изменениями в обществах.

Прежде всего, даже в ограниченном виде, но были созданы возможности развития самостоятельного, «рыночного капитала» - предпринимательство, конкурентный бизнес. Чаще его называют «малый и средний бизнес».

Отказ от партийно-идеологической монополии вынудило корпоратократию пойти и на ограниченные меры по развитию политических свобод и утверждению демократических процедур формирования власти (выборная демократия, конкуренция политико-идеологических проектов – партий и объединений).

Политические свободы и сопровождающие их свободы слова, вероисповедания, поведенческие свободы – все это стимулировало создание гражданского сектора, который по определению конкурентен и критичен к официальной власти.

Укрепление экономического и политического рынков создали условия для формирования новых групп влияния – так называемых «региональных элит», чьи интересы были локализованы на региональном уровне. И на этой почве сформировался «снизу» запрос на децентрализацию политической и экономической власти.

Ответом корпоратократии на эти риски стали:

- жесткая централизованная вертикаль исполнительной власти – от центральных органов (президент–правительство–центральные органы власти) до уровня района в области;

- инвестиции в политические проекты (партии, блоки, парламентские объединения, группы влияния в местном самоуправлении), обеспечение управляемости и подконтрольности политической архитектуры, или как минимум – наиболее кон-

курентной ее части;

- систематическое инкорпорирование наиболее продвинутого гражданского актива во власть;

- монополия на медиа;

- использование репрессивной машины - силовые структуры, полностью подчиненная политической власти судебная ветвь власти – для борьбы с конкурентами и наиболее опасными оппонентами.

Сторонники либеральных доктрин, выступавшие в роли главных идеологов и пропагандистов трансформационных процессов последних двух десятилетий, искренне считали, что развитие рыночных институтов и легализация капиталов, собственно естественным путем решат и проблему «теневой экономики». В их представлении, пост-советская экономика «света и тени» являла собой некий атавизм, который исчезнет в результате реализации пакета институциональных реформ. Для этого нужны лишь законодательно обеспеченные экономические свободы предпринимательства, оптимальное администрирование, преодоление бюрократического «гнета» в виде проверок, штрафов, развитие рынков капиталов и т.п. «Тень» как бегство от государства должна отступить перед государством-эффективным управляющим. Красивый миф. Из учебника.

Но, несмотря на все попытки подогнать реальность под эту картинку, доля «тени» в ВВП, например, Украины НЕ СНИЖАЛАСЬ ниже показателя в 35-40%. И по состоянию на 2019 год доля «теневой экономики» оценивается в 45-50(!) % и более.

Как и 30-40 лет назад, практически КАЖДЫЙ субъект экономической деятельности имеет «теневую составляющую».

Объяснять этот феномен только недоверием к государству и/или высокой фискально-административной нагрузкой (особенно, если речь идет о таких прибыльных отраслях экономики как энергетика или АПК) – ошибочно.

Более того. «Теневой» реальный сектор приобрел новые формы. Например, в Украине - угольные «копанки» Донбасса, янтарный промысел на Волыни, вырубка леса в Закарпатье, неучтенные тысячи гектаров сельхозугодий, коррумпированные таможенные «зеленые коридоры» для товаров на огромные оптовые рынки («7 километр» в Одессе, «Барабашовка» в Харькове, и другие), «серая сборка» электронных товаров для внутреннего рынка, – только небольшая галерея примеров организованного «теневое» реального сектора», интегрированного в легальную экономику.

В пост-советских государствах-корпорациях (и Украина тут яркий пример) работают те же законы капитала, что и в «открытых обществах» Запада – максимизации прибыли при минимизации издержек. С одной существенной особенностью. Государственная власть, ее институты ПОЛНОСТЬЮ подчинены корпоративным интересам правящей корпоратократии.

Результат – выведение капиталов за границу, стыдливое «инкорпорирование» в глобальную систему оборота капиталов. Согласно данным Tax Justice Network, из Украины в период с 1990 по 2010 в зарубежные оффшоры было выведено порядка 170 млрд долларов. Несомненно, за последние годы этот показатель стал существенно больше.

Сейчас Украина – в 10-ке стран мира по показателю выведенных финансовых активов. Средний годовой размер выведенного капитала оценива-

ется примерно в 11,5 млрд долл США.

И дело не в том, какая доля из выведенных активов составляет часть необходимого «полу-теневое» оборота и возвращается в виде оффшорных инвестиций, а какая – просто выведена и национально-оборотом фиктивным путем. Проблема в том, что весь этот капиталопоток замешан на полу-фиктивных операциях, с уклонением или минимизацией налогов, с обезвоживанием оборотных средств реального сектора национальной экономики, на низком легальном уровне оплаты рабочей силы и потерях совокупного национального бюджета (всех уровней).

Одновременно, благодаря «тени» устойчиво функционирует механизм РЕАЛЬНОГО перераспределения совокупного национального дохода, по социальным группам и сословиям.

Доли, взятки, «зарплаты в конвертах», кэш-финансирование – не просто случайные финансовые нарушения, а необходимая часть межклассовых и межсословных отношений. Именно **перераспределительные потоки теневых финансов, их объемы и пропорции выявляет реальное социально-классовое положение и уровень дохода каждой группы в совокупном национальном доходе.**

«Теневая экономика» в государстве-корпорации – необходимая и неотъемлемая часть всей политико-экономической организации. Российский политэконом Борис Кагарлицкий дал определение такой системе – «трофейный капитализм». Трофеем стали не только экономические активы, но – все государство и весь социальный капитал.

Коррупция – политическая, бюджетная, государственно-корпоративная – является необходимым инструментом удержания власти, способ связи и вза-

имодействия плутократии и олигархии, «теневое» средство поддержки конкурентоспособности и обеспечения эффективности бизнеса правящего класса.

Таким образом, **коррупция – один из способов эксплуатации со стороны корпоратократии с целью максимизации прибыли.** Свою мзду в «коррупционную ренту» вынуждены помимо воли платить все без исключения классовые группы и сословия.

Злая ирония истории. Одной из базовых функций государства является борьба с преступностью как анти-социальной деятельностью, в т.ч. – с «тенью» в экономике, подрывающей безопасность самого государства. Но, **мутировав в государство-корпорацию, само превратилось в «государство организованной преступности».** В машину сверх-эксплуатации и поощрения несправедливого перераспределения национального дохода в пользу правящего класса (корпоратократии), с помощью прикрытия коррупционных и буквально преступных, воровских схем с бюджетными ресурсами, государственными активами, национальными природными ресурсами.

В машину сверх-эксплуатации и поощрения несправедливого перераспределения национального дохода в пользу правящего класса (корпоратократии), с помощью прикрытия коррупционных и буквально преступных, воровских схем с бюджетными ресурсами, государственными активами, национальными природными ресурсами.

Пост-советские государства-корпорации и есть «государства организованной коррупции». Наверное, «как высшая стадия развития организованной преступности».

Коррупцированные режимы для мобилизации населения и сдерживания «социального пара» использовали пропаганду этатизма, культурного и этно-национализма, но это лишь временно замораживало развитие институтов государственности и самоорганизации снизу, и приводило к новым, уже внутренним классовым и социокультурным конфликтам. Это не только не развивало, а наоборот - блокировало развитие собственно национальных проектов, провоцировало социальные расколы, обостряя этнические, языковые, региональными, культурные проблемы.

Конфликты, локализации и расколы возникли у большинства пост-советских республик – в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, РФ, Узбекистане, Украине и Узбекистане.

Все пространство бывшей советской цивилизации стремительно теряет качества социального и человеческого капитала индустриальной эпохи. Архаизация жизненного уклада и обострившиеся социальные противоречия опережают все модернистские новшества. Общества приобретает разно-родную молекулярную структуру «конфликтных множеств». Попытки реставрации советской цивилизации (политика России начала XXI века) лишь приостанавливают, но не решают проблем развития по существу. Бывшая советская мир-экономика заняла устойчивое место новой периферии глобального олигополистического капитализма.

И если первый трансформационный кризис (1980е-начало 1990-х) был связан с распадом БССР и формированием группы корпоративных государств, то с исчерпанием эффективности и «социальной приемлемости» суррогатного капитализма разворачивается второй трансформационный кризис (среди-

на 2000-х-2020+) всего пост-советского пространства, - с выраженными внутригосударственными конфликтами на социальной почве (- анти-властные выступления, антикоррупционные кампании, региональный сепаратизм и радикальные протестные течения на этнической, культурной, религиозной почве).

Можно предположить, что второго прохождения трансформационного кризиса займет куда больший отрезок времени, чем обвальный распад БССР. Но риск состоит в том, что подрыв доверия к государственной власти и выраженный социальный характер внутренних конфликтов приведет к неизбежной трансформации всех нынешних образований, созданию новых пост-пост-советских проектов в диапазоне от новых республиканских проектов до федеративных образований и союзов ?

Выделю два наиболее выраженных варианта прохождения второго трансформационного кризиса.

«Революция среднего класса». Анти-элитарный (антикорпоративный, анти-олигархический) социальный процесс, связанный с изменениями состава власти и преобразованием институтов государственности, в результате выборов или политических переворотов.

С целью базовых преобразований – от суррогатной к частной собственности, публичной демократии, местному самоуправлению, независимым судам, гражданским свободам. Этот путь характерен для Украины, после двух революционных петель и потрясений («Оранжевая революция-2004» и «революция Достоинства»-2013-2014гг.), Армении, Грузии, Молдовы.

Корпоратократический застой. Консервация положения на основе жесткой мобили-

зационной модели и автократического правления, – и локальные социальные бунты городского класса, местечковый сепаратизм. Основа – альянс правящих корпоратократических групп с силовой элитой (армия спецслужбы и правоохранительные органы), жесткая административная вертикаль. Авторитарная реставрация в условиях конфликтов и нищеты может затянуться на 3-5 лет. По этому пути идет Азербайджан, РФ, Беларусь, Казахстан, Туркмения, Узбекистан.

Важно также учитывать и то, что второй трансформационный кризис – это еще и смена поколений в политике, экономике, духовно-культурной сфере. Существенно уменьшается влияние носителей практик «старо-бюрократического управления», державно-геополитического мышления и жесткой военной субординации, характерной для дисциплинарной культуры БССР. Широкое распространение приобретает новый миф о «креативном поколении», выросшем после распада советской империи. В частности, в Украине именно этот новый миф связал прошлые идеологические установки о роли «среднего класса» и представления о современности. В мифе о новом поколении воплощен сюжет большого исхода после гибели империи и долгим путем к освобожденному обществу, уже однажды обманутому реформами и катастрофами начала 1990-х..

Уникальная историческая ситуация. И серьезный вызов для гуманитариев, слово и знание которых может стать решающим.

